

УДК 321.01. (575.2) (04)

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (“НАЦИЯ–ГОСУДАРСТВО”)
КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ:
КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Г. Дононбаева – аспирант
КНУ им. Ж. Баласагына

The research work is devoted to the institutional problem of nation-state content from the conceptual and historical points of view. Historical typology of evolutionary development of institutional characteristics of statehood is also reflected in the article.

Политическим институтом (от лат. *institutum* – установление) можно назвать любое устойчиво закрепившееся, активно проявляющее себя, организующее свою деятельность в соответствии с определенными нормативными правилами учреждение, обладающее общественно значимыми функциями и выполняющее существенно важные роли в разветвленной и многоуровневой системе властных отношений (отношений властвования)¹. Конечно, власть как сложная функционально-ролевая система общества зарождается уже в условиях родового строя. Формирующиеся структуры власти здесь приобретают так называемый потестарно-политический (этносоциальный) характер. И лишь с переходом к государственному строю они трансформируются в особые политические институты.

Политическая власть является таким институциональным феноменом, который характеризуется четко выраженной направленностью воздействия на объект, отношение, задачу. Выступая в качестве силы, оказывающей

“намеренное и эффективное влияние”², она структурирует социально-политические отношения, делая их более целенаправленными и упорядоченными, значительно снижая долю неопределенности в поведенческих ориентациях людей. Система властных отношений выстраивается на основе норм, правил, законов, использует санкции для предотвращения отклонений в их реализации. В пределах своего воздействия на общественную жизнь она ограничивается специфическими организациями и обслуживающими их людьми с их функциональными и ролевыми обязанностями.

В данном контексте сущностные характеристики политических институтов не сводятся к конкретным жизненным проявлениям каких-либо организаций, а выражают комплекс норм и отношений, реализующийся в деятельности бесчисленного множества таких учреждений. Например, в понятии “института политических партий” фиксируется не все огромное многообразие индивидуализированных свойств, присущих множеству отдельных политических партий, а только те признаки, которые отражают их типичные нормативные и реальные черты.

---

¹ См.: *Артыкбаев М.Т.* Институционализация политических систем постсоветских республик: методология исследования. – Бишкек: КГПУ им. И.Арабаева, 2002.

---

² *Dyrberg T.* The Circular Structure of Power // *Politics, Identity, Community.* – L.; N.Y., 1997. – P. 38.

Вместе с тем, по выражению М. Фуко, политическая власть в неумном стремлении влиять на общество выходит за ее же самой установленные пределы, “опирается на противозаконности”¹, активно использует неинституционализованные (не предусмотренные и не регулируемые нормами) формы. Это и бюрократизация общества, и олигархическое засилье, и идеологическая индоктринация масс, и использование всевозможных информационных, культурных и конфессиональных ресурсов и технологий.

Политические институты, выступая в качестве форм организации совместной деятельности людей в процессе упорядочения и стандартизации социально-политических систем, одновременно являются и общественными структурами. Иначе говоря, институционализация предстает как фактор упорядочения, формализации и стандартизации деятельности социально-политических организаций. В этом контексте она оказывается в роли связующего звена между государством и обществом.

Сама институционализация совершается в процессе активного взаимодействия функциональных задач, решаемых политическими организациями, и ролью, исполняемой ими в обществе. Она имеет две стороны: организационно-функциональную и социально-психологическую. Мыслитель эпохи французского Просвещения Ш. Монтескье подчеркивал, что людьми правят как законы, так и не установленные законами нравы. Это значит, что поведенческие ориентации людей направляются не только законодательными, но культурно-цивилизационными институтами. Следовательно, процесс институционализации выходит за пределы установленных норм, унифицированных правил и вторгается в пространство человеческих нравов и ценностей. Решающую роль в формировании и функционировании институциональных структур играют живые люди, которые в ходе своей повседневной практической деятельности постоянно производят и воспроизводят их.

“Человеческое лицо” институционализации в значительной мере зависит от ценностей –

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., 1999. – С. 408.

субъективных предпочтений людей, их представлений о желательности или нежелательности тех или иных общественных явлений и оценке значимости происходящих событий. Ведь в данном случае речь идет о действиях человека, а они, в силу отмеченных обстоятельств, – спонтанны, свободны. Поэтому любое состояние политической институционализации характеризуется вариативностью и нелинейностью.

Английский социолог Э. Гидденс теоретически определил структурные свойства общественных систем, в том числе и политических институтов, как двойственный феномен: структура – одновременно и средство, и результат практической деятельности. Люди в своей деятельности используют в качестве ресурса существующие структуры – системы социально-политических отношений, регулирующие их правила и нормы, а также институты, но наряду с тем влияют на эти структуры, частично воссоздавая, частично меняя их. С точки зрения английского социолога, лишено всякого смысла противопоставление субъекта и объекта, или объективно существующих свойств социальных и политических структур реально воспроизводящим их в своей деятельности субъекту – людям, так как материализация в первых результатов активности вторых создает эффект органичного соединения, нерасторжимого слияния. В этой связи ученый отказался от понятия “структура”, которое, по его мнению, фиксирует в окружающей действительности лишь статические моменты, и заменил его динамической категорией “структурация”².

Концепция Гидденса подверглась конструктивной критике исследователями, доказывавшими, что в ситуациях, когда речь идет о взаимоотношениях между социально-политическими структурами и людьми, образующими общественную систему, действуют другие механизмы. На этом уровне обобщения структуры являются для “субъектов” – людей не только средством их активности и ее результатом, но чаще всего внешней принудительной силой, или “объектом”. Здесь действует отри-

² См. подробно: Гидденс Э. Социология. – М., 1999.

цаемый Гидденсом субъектно-объектный механизм взаимодействия. История хорошо знает множество социально-политических систем прошлого – “азиатский деспотизм”, имперские государства, абсолютистские монархии, тоталитарные режимы, – организованных таким образом, чтобы лишить подавляющую массу населения всякой возможности индивидуального выбора и активного участия в социально-политических преобразованиях.

Анализируя эти процессы, Н.П. Музелис отмечает возможность институциональных изменений таких социальных и политических структур лишь тогда, когда субъект, т.е. народ, в своей основной массе дистанцируется от привычно устоявшихся правил, “чтобы поставить их под вопрос или принять стратегию их трансформации”¹. Он выделяет два типа инновационных механизмов.

Во-первых, это активная позиция элитных групп, роль которых в процессе институционализации уподобляется функции архитекторов, инженеров и менеджеров в строительстве. И действительно, воспроизводство или преобразование политических структур, а также характер институциональных процессов зависят в огромной степени от активных усилий индивидов и групп, причисляемых к “политической элите”, “политическому классу”, – высших должностных лиц аппарата, лидеров партий, депутатов законодательных органов, экспертов-политологов и других, которые функционально призваны обслуживать деятельность государственных органов.

Во-вторых, понимается, таким радикальным механизмом оказывается размах и глубина социальных, политических движений, неизбежно меняющих всю институциональную основу общественной жизни. Понимается, например, воздействие массы рядовых граждан на институциональные преобразования политической власти в значительной степени носит весьма сложный и опосредованный характер.

Комментируя эти концептуальные положения, современные политологи выделяют два взаимосвязанных, но принципиально различающихся механизма институционализации. С

¹ См.: *Mouselis. Back to Sociological Theory. The Construction of Social Orders.* – N.Y., 1991.

одной стороны, политические институты предстают в облике функциональных органов государства, таких, как парламент, суд, партии и т.д. Здесь речь идет о двух классах политических явлений: об учреждениях с организованной структурой, управляющим центром и исполнительским аппаратом; о формах и сущности функций, отношений и типов управления. С этой точки зрения, превращение политических явлений в организованное учреждение, формализованный, упорядоченный процесс характеризует существенно значимые черты и свойства институционализации.

С другой стороны, политические институты принимают вид или систем формализованных правовых норм, предписывающих определенную дисциплину и правила поведения, в соответствии с которыми политические институты осуществляют свою деятельность, или формализованных и неформализованных норм и ценностей, усвоенных и реализуемых людьми в практике повседневной жизни.

Следовательно, в определении понятия “политический институт” синтезируется ряд аспектов. Во-первых, это функциональные органы управления и регулирования: а) обеспечивающие контроль за соблюдением установленных норм; б) формулирующие общественные потребности и цели; в) организующие процесс реализации. Во-вторых, установленные государственным учреждением нормативно-ценностные системы, получившие признание в обществе. В-третьих, это образцы, модели, эталоны социально-политического сознания и поведения людей. В-четвертых, это формы организации социально-политических связей и отношений людей.

Таким образом, политическая институционализация как органичная функция общественной системы характеризуется следующим: удовлетворение определенных общественных потребностей; интернализация во внутреннем мире личности принятых в общественной жизни норм и ценностей, т.е. социализация, обеспечивающая согласованность и сходство поведенческих ориентаций людей; организационное установление, упорядочение и оформление деятельности учреждений.

“Государственный строй, – отмечает американский ученый С.М. Липсет, – можно рас-

смагивать в качестве той части социальной системы, которая несет ответственность за распределение общественных ресурсов и благ”¹. В этой связи функция задается с учетом генеральной цели институционализации, которая включает воспроизводство членов общества; управление производством и распределением ресурсов и благ; социализация, т.е усвоение личностью принятых в обществе образцов, моделей поведения и способов деятельности; контроль над поведением человека через систему поощрений и санкций.

В историческом процессе государство не сразу заняло лидирующие позиции в общественных структурах. В древности, средних веках и начале Нового времени возникало и существовало множество институциональных образований, носивших преимущественно экстерриториальный характер – корпорации, общины, ордена, университеты, города, гильдии, братства и т.д. И в этом мозаичном пространстве шел постепенный процесс “кристаллизации”, завершившийся становлением такого политического института, как государство. Государство в отличие от прочих образований институционализируется по территориальному принципу. Некоторые государства создавались снизу, в результате сложения федераций отдельных общин, городов и т.п. Другие – сверху, путем сосредоточения власти в руках конкретного индивидуума. Третьи – “сбоку”, посредством объединения корпораций, орденов и т.д. В практике, как свидетельствуют сравнительные исследования, “работала” не одна, а все три модели одновременно. Какая-то из них превращалась в доминантную силу, а остальные оказывались в положении подчиненных. Результатом именно такого развития можно считать появление множества разнообразных по типу государств. Специфические условия формирования решающим образом воздействовали на внутреннее устройство государств.

Изменяясь и развиваясь в историческом времени и пространстве, государство как политический институт в каждый данный момент своего бытия пребывает в некоей точке

определенного качественного состояния. Несколькими такими состояниями образно определяются, как “государство в себе”; “государство для себя”; “государство для одних”; “государство для других”; “государство для всех”². Каждому из этих состояний соответствует своя историческая форма и тип государства. Причем речь идет не о главной функции, которую выполняет с тем или иным успехом любое государство – обеспечение порядка и целостности в стране и обществе, а о специфической роли конкретно-исторического государства, связанного с выражением и защитой интересов каких-либо общностей.

“Государство в себе” – это еще не выделенное, не определенное “государство-этнос”. Яркий пример “государства-этнуса” представляют древняя Ассирийская, средневековые Кыпчакская и Монгольская державы, где власть олицетворялась с народом – ассирийцами, кыпчаками, монголами.

“Государство для себя” – это “государство-бюрократия”, типичными примерами которого являются так называемые деспотические и тоталитарные политические системы. Нельзя смешивать понятия “государство-бюрократия” и государственная бюрократия. Без последней вообще немыслимо государственное управление и, разумеется, у нее есть свои особые “корпоративные” интересы.

“Государство для одних” – это “государство-класс”, выражающее интересы отдельных классов, например, “рабовладельческое государство”, “феодалное государство”, “дворянское государство”, “буржуазное государство” и т.д.

“Государство для других” – это “государство-нация”. Возникновение и становление “государств-наций” – важнейший качественный поворот в историческом процессе институционализации. Появляется государство, которое работает не ради себя и для одних, а во имя народа. Причем эту институциональную роль оно берет на себя лишь в процессе длительной эволюции. Следовало “государству-нации” пройти этап ост-

¹ См.: Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 204–205.

² Дононбаев А. Кыргызстан. Политическая культура. Человек и государство. – Бишкек: КРСУ, 2002. – С. 78.

рейшего классового противостояния, прежде чем к нему пришло осознание его истинной роли.

Суверенные независимые государства (СНГ) только начинают свой путь строительства “государств-наций”. Хотя очевидно, что здесь нет столбовой дороги, прямо ведущей к указанной цели. Вполне возможно, что исторические обстоятельства могут повернуть ту или иную страну на уже пройденный многими путь “государства-класса”. Страны Европы фактически завершили развитие по пути “государств-наций” и стоят на пороге созидания “государства для всех”. “Государство для всех” – это по сути то, что сейчас обозначают как “государство благоденствия” (Welfare State).

По-видимому, “Welfare State” в институциональном своем измерении представляет тот образ, который сейчас связывается с идеей “постсовременного государства”. Это государство характеризуется способностью целиком распоряжаться собой, будучи не только полностью независимым от своего окружения, но и обладая возможностями создавать своим гражданам достаточные для существования жизненные средства. Суверенитет, обеспечивающий защиту от внешнего вторжения, здесь утрачивает свое прежнее значение. Постсовременные государства допускают вмешательство извне в свои внутренние дела, поскольку они получают нечто взамен, а именно: влияние на супернациональном уровне правления.

Система власти в каждом из типов государства институционализируется – устанавливается, обретает черты легитимности (законности), посредством определенного регулирующего механизма или соответствующего конкретным жизненным условиям рычага. Как отмечал еще в XIX столетии М. Вебер, власть становится законной, иначе говоря, получает признанное “правооснование управлять”, учитывая возможности трех способов: во-первых, благодаря закрепившейся традиции, или политической культуре сознания и поведения людей, полагающей власть законной в силу привычки, обычая; во-вторых, благодаря рационально-правовым нормам, согласно которым персонам, стоящим у власти, повинуются в силу признания законов, в соответствии с правилами которых они пришли к кормилу правления и от-

правляют свои функции; в-третьих, благодаря харизматическому ореолу, сложившемуся в отношении персоны лидера, которому приписываются великие личные достоинства¹.

На длительном историческом этапе развития харизматический ореол вокруг персоны руководителя создавался в результате его обожествления. Так было, когда речь шла о религиозном пророке. Таким же образом возвеличивалась персона египетского фараона, вавилонского и персидского царей, китайского императора. Власть принадлежит законно тому или иному конкретному лицу потому, что она дарована ему богом (богами). Специфическим феноменом в таком ряду является обретение легитимной власти в кочевом мире. Чтобы стать вождем в кочевом обществе, нужно было обладать недюжинными способностями и одновременно окружить себя харизматическим ореолом. Здесь сакральное и мирское начала совпадают. Реальный Чингисхан и легендарный Манас отличаются исключительными личными талантами, что дает основание окружающим приписывать им сакральные качества.

В последующем ходе истории, при переходе от средневековья к Новому времени, приоритетной в механизме властвования становится традиция наследования. Так царствовали в Османской империи потомки тюркских вождей Эртогрула и Османа, в России династия Рюриковичей, а затем Романовых, в Австро-Венгерской империи династия Габсбургов, в Пруссии, а после объединения, в Германской империи – династия Гогенцоллернов. В кочевых обществах также существовала традиция наследования, но она не была столь же незыблемой, как в аграрных обществах. Эмир Тимур, чтобы обосновать законность власти, держал при себе в качестве номинального правителя одного из потомков Чингисхана. Сыновья и внуки Тимура старались доказать правопреемство своей власти, опираясь на харизматический ореол своего отца и деда.

Понятие “нация” широко вошло в европейский политический словарь лишь после

¹ Gerth H.H. and Mills C.W. (eds.). From Max Weber: Essays in Sociology. – N.Y.: Oxford University Press, 1946. – P. 78.

Французской революции конца XVIII в. Л. Фейхтвангер, исследовавший этот вопрос, отмечал, что историческое сознание немецких писателей XVIII в. не отличалось от взглядов французов. Национальное чувство было им чуждо. Этому столетию патриотизм был просто неведом. Просвещение XVIII в. базировалось на мировосприятии прежде всего гуманистов. А гуманисты чувствовали себя гражданами мира. Они привязывали себя не к стране своего рождения, а к общей своей родине – образованию, истоки которого восходили к античности. Они видели себя космополитами, ощущали свое духовное родство, их объединяла образованность, позволявшая противостоять невежественной толпе. Их объединял общий язык – латынь. Поэты, писатели и мыслители XVIII в. считали себя наследниками гуманистов. Поэтому философия, рационализм, гуманизм возводились в ранг высших добродетелей.

Вольтер не признавал себя французом, считая себя гражданином мира. То же самое было характерно и для других французских мыслителей. Король Фридрих Прусский, считающийся в глазах окружающего мира величайшим из немцев, говорил и думал по-французски, чувствовал себя французским писателем и насмехался над робкими попытками создать немецкую литературу. Отличавшийся терпимостью Лессинг раздраженно писал Глейму: “У меня нет такого понятия, как любовь к отечеству, она кажется мне не более, чем героической слабостью, без которой я с удовольствием обхожусь”. Гете считал свой короткий прорыв в стихию национального юношеским увлечением и был холодно недоступен для всякой патриотической страстности. “Стать нацией вы, немцы, надеетесь напрасно!” – бросил он своим соотечественникам. Потрясения французской революции, возникновение национальных армий, ужасы наполеоновских войн пробудили в обществе интерес к массовым движениям и к отечественной истории. Нации обрели исторический опыт¹.

Осмысление западноевропейского опыта строительства “наций-государств” в XIX сто-

¹ См.: *Фейхтвангер Л.* Собр. соч. – М., 1990. – Т.6. Кн.1. – С. 589–592.

летия постепенно привело к формированию взгляда на нацию как на “согражданство” – совокупности граждан, демократически управляющих своим государством и имеющих равные права, не зависящие от цвета кожи, языка, религиозных убеждений, происхождения или обычаев бытового поведения. Э. Ренан, суммируя весь круг либеральных представлений XIX в., считал “грубой ошибкой” отождествление нации с антропологическими, этнографическими или лингвистическими группами. “Человек, – подчеркивал он, – не раб ни своей расы, ни своего языка, ни своей религии, ни течения рек, ни направления горных цепей”. С его точки зрения, реальность нации связывается с двумя факторами: во-первых, общим историческим опытом; во-вторых, согласием в настоящем, “желанием жить вместе, волей сохранять неделимым полученное наследие”².

В ренановской трактовке нация предстает категорией гражданского общества, основывающейся на ценностях более универсального характера, чем относительно локальные, унаследованные от прошлого свойства языка, религии и обычаев. Общность языка, культуры, религии, традиций, экономических, политических интересов, разумеется, могут служить базой для создания наций, стать их цементирующим составом. Но чтобы этот цемент приобрел прочность бетона, как отмечают исследователи, состав должен быть “армирован” структурами гражданского общества, единым гражданским самосознанием. Возможно, влияние на жизнь людей традиционных интеграторов при этом возрастает. Однако в этом процессе они утрачивают свою системосозидающую роль, уступая новым способам сплочения и единства: общенациональному самосознанию, гражданским законам, осмысленным экономическим и политическим интересам, сфере культуры, сложившейся в ходе становления единой нации³. Такое понимание категории “нации” подсказывало пути преодоления кризиса прежних интеграторов, рождение

² Цит. по: *Вшневский А.Г.* Единая и неделимая. – С. 31, 41, 42.

³ См.: *Моммен А.* Федерализм и национальное государство. (К истории вопроса) // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 170–171.

новых принципов социально-политического сплочения, когда становилось естественным и единственно возможным не имперское, а национальное существование.

По мнению М. Вебера, концепт “нация” относится к сфере ценностей и “означает главным образом то, что от определенной группы следует ожидать проявления особого чувства солидарности перед лицом других групп”. Вместе с тем М. Вебер отмечает отсутствие согласия по вопросу о том, как определять границы подобных групп и какие действия проистекают из такого рода солидарности. И действительно, в современных условиях нередко можно столкнуться с положением, когда нация не обязательно равнозначна народу государства. Принадлежность к нации не всегда тождественна членству в данном политическом образовании. Понятия “нации” и “народ” могут совпадать, но не всегда. Различие их наглядно иллюстрируется ситуацией, сохранявшейся в послевоенной Германии вплоть до ее объединения. Существовало два немецких государства, следовательно, народы ФРГ и ГДР, хотя и разделяли убеждение “Wir sind ein Volk” (“Мы – единый народ”), подтвердившееся в результате крушения ГДР. Совершенно противоположен пример Сингапура. Посол этой страны в Москве Марк Хонг утверждал, что “отец сингапурской нации” Ли Куан Ю создал “нацию из трех отдельных этнических групп”¹. Малайцы, китайцы и индийцы – это совершенно разные по религии, языку, ментальности, быту народности. Однако в процес-

се позитивного сосуществования, сотрудничества и взаимовлияния данных этносов в одном государстве, действительно, произошло такое их воссоединение, в результате которого образовалась единая гражданская нация. Конечно, этот процесс еще далек от завершения, но внутренняя гражданская идентичность сингапурского государства проявляется четко². Нация, замечает литовский политик В. Ландсбергис, – это не обязательно люди одного этнического происхождения. Это – люди, которые относятся к данному государству, как к своей родине. Они и составляют у нас условную литовскую нацию, в которую входят не только коренные жители³.

Таким образом, можно сделать выводы, что идея нации отвергает все внутренние границы и перегородки, содержит в себе презумпцию равенства возможностей для всех граждан независимо от происхождения, цвета кожи и глаз, вероисповедания и т.п. и предполагает намного большую внутреннюю сплоченность. Важнейший признак нации – это ее неделимость. Именно рождение и созревание наций придает новый статус государственно-территориальным границам. Полное отсутствие внутренних перегородок и устойчивость внешних границ – таков принцип “нации-государства”. Этим национальное государство отличается от предшествующего “сакрализованного” феодального политического образования имперского типа.

¹ См.: Хонг М. Рецепты доктора Го и премьера Ли // Независимая газета. – 1998. – 26 февраля.

² Гуревич Э. Интеграция по-сингапурски // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 9. – С. 41.

³ См.: Известия. – 1991. – 17 июня.